
Д. С. Дугаров

**К ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНОВ
ЮУРЭН, УУР, УУРИ**

Одним из персонажей бурятского фольклора является Великая мать шаманского пантеона бурят, прабабушка бурятского народа *Эхэ Юурэн иибиш*¹. В этом имени слово *эхэ* — общемонгольское «мать», *ибиш* — бурятское диалектное «мать»; подлинное же значение термина *юурэн* пока не выявлено. Попытку объяснить его недавно предпринял монгольский ученый Б. Ринчен. «Эхэ Юрин, Мать Юрин, божество забайкальских бурят, — пишет он, — считается супругой Эсэгэ Малан Тэнгри. Ее имя восходит к монгольскому титулу жены Чингиса „Еке, Ujin“ — „Мать Супруга“, где монгольское „üjin“ — старое заимствование из китайского „фу жень“, — супруга, госпожа... царская жена. В письменных монгольских текстах этот титул применяется к супруге Чингиса Бурте: „Bürte fūjin, Bürte üjin“, причем вторая часть этого титула „жень“ монголами была осмыслена как суффикс женского рода „джин, лджин“ и в старых текстах часто встречаются формы *Bürte müjün, Bürtegeljin*, — „Бюртемюлджин, Бюртегелджин“, где губные согласные „б“, „ф“, „в“, „п“, часто переходящие в губной „м“ или заднеязычный „г“, из „фюджин“ образовали в сочетании с именем Бурте Бюртемюлджин и Бертегелджин, а „fūjin“ — „фюджин“ в связи с утратой в монгольском языке инициальных согласных „б“ и „ф“ образовал форму „üjin“ — „юджин“. В дуктусе старомонгольского письма начертание „джи“ очень напоминает написание „р“, и, возможно, титул жены Чингиса „üjin“ был прочтен некогда древними бурятскими бишешинами как „юрин“ — „юрен“»².

С таким выводом Б. Ринчена трудно согласиться. Эхэ Юурэн — популярнейшее божество не только и не столько забайкальских, сколько прибайкальских бурят, которым старомонгольское письмо в столь отдаленные времена не было известно. Забайкальские же буряты — Б. Ринчен имеет в виду хори-бурят — прибыли, по данным их летописей, в пределы Забайкалья из Монголии лишь в начале XVII в.

Другая часть забайкальских бурят, селенгинцы, этого божества вовсе не знали. Имя Эхэ Юрин (точнее Эхэ Юурэн) донесли до нас мифы. А мифы, как известно, жанр очень древний, и ко времени создания монголами вертикального письма мифологическое мышление было для них уже давно пройденным этапом. Нет также данных о возведении бурятами Чингисхана в ранг верховного божества Эсэгэ Малана. В сознании бурятского народа и в его фольклорной традиции Чингисхан всегда был и остается конкретной исторической личностью. Поэтому точка зрения

¹ «Абай Гэсэр хубун. Эхирит-булагатский вариант», ч. 1. Улан-Удэ, 1961, с. 192.

² Б. Ринчен. Культ исторических персонажей в монгольском шаманстве. — «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века». Новосибирск, 1975, с. 192.

Ринчена, считающего, что бурятский термин *юурэн* происходит от китайско-монгольского *üjin*, а бурятское имя Эхэ Юурэн принадлежит супруге Чингисхана, представляется неприемлемой.

По нашему мнению, бурятский термин *юурэн* восходит к древнетюркскому *урун* — «светлый». Об этимологии термина *урун* нет единого мнения. Так, Е. И. Убрятова считает его общетюркским³, а Н. К. Антонов — исконно якутским, «имеющим параллель... лишь в древнетюркском „өрүн“ — „светлый, белый“»⁴. С. Е. Малов указывает на наличие этого термина в форме *jörün* в хотано-иранском языке⁵. К этому последнему фонетическому варианту наиболее близок наш бурятский термин. Но в данном случае речь идет лишь о внешнем сходстве. Попытаемся выяснить, какую семантическую нагрузку несет бурятский термин *юурэн*.

Согласно известной бурятской легенде, божественной прародительницей хори-бурятского племени была священная белая лебедь⁶, дочь царя неба Хурмуста-тэнгрия. В бурятском фольклоре она именуется Хун-Дангина («Лебедь-царица»)⁷, Хобоши хатун⁸ и т. д. Последнее имя Г. Н. Румянцев правильно отождествлял с якутским Хубай хатун («Лебедь-госпожа»)⁹ — так звали жену верховного божества якутского шаманского пантеона урун-Айыы-тойона («Белого господина»)¹⁰. Для нас большой интерес представляет тот факт, что Хун-Дангина считается хозяйкой солнца. Бурятский этнограф М. Н. Хангалов пишет: «Затем призывается хозяйка солнца и луны... „Происхождение мое из племени саган-боргутов, над луной Хал-Хатун, над солнцем Нал Хатун (госпожа?)... имя мое Хун-Дангина“»¹¹. Следовательно, хозяйкой солнца является Хун-Дангина («Лебедь-царица» или «Лебедь-госпожа», она же Нал-Хатун. Это подтверждается материалами бурятского исследователя Ц. Ж. Жамцарано, записавшего у западных, ольхонских бурят обращение к хозяйке солнца:

Нарани эжин	Хозяйка солнца
Налхан Юурэн хатан Т ₀₀ дэй	Ласковая Юурэн царица-бабушка,
Найман хурезтэй	Имеет восемь оград и
Найман хултэй ¹² .	Восемь ног.

Слово *налхан* образовано от *нал* — «ласковый» и уменьшительного суффикса *хан*. Имя хозяйки солнца госпожи Нал употреблено с эпитетом *юурэн*. Аналогичное обращение встречаем и у самых восточных, агинских хори-бурят:

Наян найман хурезтэй	Восемьдесят восемь оград имеющая,
Найман дабхар туяатай,	Восьмилучевое сияние имеющая,
Налхан буурал эжы.	Ласковая седая мать.
Ерэ юэн хурезтэй,	Девяносто девять оград имеющий,
Юэн дабхар туяатай,	Девятилучевое сияние имеющий,
Алма буурал нара	Ущербный седой месяц.
Нара нара гарбал,	Солнце и луна — наши предки.
Налхан Юурэн эжыһээ	От имени ласковой Юурэн матери
амалбаби ¹³ .	призываю.

³ Е. И. Убрятова. Краткий грамматический очерк якутского языка. — «Якутско-русский словарь». М., 1972, с. 602.

⁴ Н. К. Антонов. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971, с. 33.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 407.

⁶ Г. Н. Румянцев. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962, с. 148.

⁷ М. Н. Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. — Собр. соч., т. I. Улан-Удэ, 1958, с. 350.

⁸ Г. Н. Румянцев. Указ. раб., с. 150, 151.

⁹ Там же, с. 163.

¹⁰ А. П. Окладников. История Якутской АССР. М.—Л., 1955, с. 266.

¹¹ М. Н. Хангалов. Указ. раб., с. 350.

¹² Ц. Жамцарано. Дневник 1903 г., тетр. № 2, с. 35. — Архив Ин-та востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 68, оп. 1, № 40.

¹³ Н. Н. Попте. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. — «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», т. XXI, М.—Л., 1936.

Из приведенных примеров видно, что термин *юурэн* тесно связан с именами Нал эжы (төөдэй) — «бабушка» и Хун-Дангина («Лебедь-царица»), которые носит одна и та же богиня — хозяйка солнца и прародительница бурят. Поэтому у бурят, как и у древних тюрков и современных якутов, термин *юурэн*, очевидно, означает «светлая», «священная». Следует заметить в этой связи, что слово «лебедь» в бурятском языке табуировано, взамен его чаще всего употребляется выражение *сагаан шубуун* — «белая птица». Примечательно, что и древние тюрки лебедь называли *ürün qus* («светлая птица») ¹⁴, видимо, по той же причине. Термин *юурэн* (*урун*) не встречается у большинства современных тюркских и монгольских народов. Он сохранился лишь в культовой терминологии якутов и бурят, представителей некогда самой крайней северной периферии великой кочевой культуры Центральной Азии, созданной далекими предками алтайских народов. Этот термин означал «светлый», «благородный», «священный», но не «белый» в прямом значении. Для обозначения понятия белый тюркские народы пользуются словом *ак*, а монгольские — *сагаан*.

Монгольское слово *уур* — «рассвет, зоря» первоначально не имело долготы. О. М. Ковалевский, ссылаясь на Санан-Сецен'а в своем словаре дает написание этого термина *ür*, а в более поздних словарях встречаем *йür* ¹⁵, но не *эгуур*, как, казалось бы, следовало по законам старомонгольского письменного языка. В термине *йür* нетрудно увидеть корневое слово термина *уур+н*. И в сущности, оба термина имеют одно семантическое значение: «светлый», «свет», «рассвет», «утренняя зоря».

Звезда утренней зари Венера была некогда особо почитаемым всеми бурятами божеством ¹⁶. В монгольских языках ее имя — Солбон (Цолмон), идентичное Чолпон тюркских языков, всегда употребляется с эпитетом *хуа* — *Хуа Солбон* ¹⁷. Слово *хуа* происходит от тюркского *хува* (*хуба, куба*) — «лебедь». Эта тотемная птица хори-бурят, как мы видели выше, имеет устойчивый эпитет *юурэн* — «светлая»; в свое время она несомненно входила в число наиболее почитаемых божеств древнейшего религиозного комплекса, связанного с культом плодородия. Так что и этот факт подтверждает генетическое родство двух рассматриваемых терминов и их принадлежность к древней культовой лексике алтайских народов.

Корень *ür* восходит, по нашему мнению, к дотюрко-монгольскому $\theta : p/\delta : r$. Э. В. Севортян приводит его основные варианты, бытующие в современных тюркских языках: *ур/ür, урь/ür, үрп/jür; \theta : p/\delta : r, \theta p/\ör; \theta p/\öre, уру/ürü*. Значения их можно свести к следующим: 1) вверх, подниматься вверх, восходить (о солнце); 2) сияние, зарево, рассвет, огонь, пламя, пожар; 3) всход, давать росток (о траве); 4) умножаться, возрастать в числе (количестве), приносить детенышей; 5) разбредаться, двигаться вверх (массой), расходиться (ночью для пастбы — о стаде); 6) колонна ¹⁸. И если мы приведенные значения спроецируем на рассматриваемые термины *уур* — «рассвет, зоря» и *юурэн* (*урун*) — «светлейшая богиня утренней зари», то обнаружим, что все они семантически сближаются и объединяются в этом мифологическом образе. Здесь вырисовывается образ восходящей сияющей богини, имеющей прямое отношение к культу плодородия древних скотоводческих племен. Это дошаманское божество с явными чертами тотемизма в древности, по всей вероятности, почиталось как одно из самых высших божеств кочевых

¹⁴ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, с. 627.

¹⁵ О. М. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь, т. I. Казань, 1844, с. 577. Ср. К. О. Голстунский. Монгольско-русский словарь, т. 1—3. СПб., 1895, с. 259; F. Lessing. Mongolian-English Dictionary. Berkeley — Los Angeles, 1960, p. 1010—1014.

¹⁶ Г. Спасский. Буряты или братские. — «Сибирский вестник», ч. I. СПб., 1824, с. 66.

¹⁷ «Летописи хоринских бурят», в. 1. — «Хроники Тугулдур Тобоева и Вандан Юмсунова». М. — Л., 1935, с. 59.

¹⁸ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 542—552.

скотоводов Центральной Азии, но со временем было отодвинуто на второй план, а потом и вовсе вытеснено новыми религиозными верованиями, в частности шаманизмом и буддизмом.

Производными от терминов *юурэн* и *уур* являются омоформы *уури* (название месяца) и *уури* — «ровесник». Рассмотрим первую из них.

Более 100 лет назад была опубликована статья Д. Банзарова «Белый месяц. Празднование Нового года у монголов», в которой рассматривается термин «Белый месяц». «Происхождение названия „белый месяц“, — пишет он, — толкуют различно; так как этот праздник в старину совершался осенью (выделено нами.— Д. Д.), то надобно думать, что название это произошло от слова „цага“ (творог), потому, что осенью, когда скотина мало доставляет молока, начинают есть творог. Поэтому „цагаан сара“ можно переводить: „творожный месяц“ или „белый месяц“»¹⁹.

В правильности предложенного Банзаровым толкования никто до сих пор не усомнился, хотя термины *цагаан сара* («белый месяц») и *сагаа* («творог») не имеют ничего общего.

Летом 1975 г. в с. Урда-Ага кузнец-пенсионер местного колхоза Сэбээн-Доржо Цыренжапов (1909 г. р.) рассказал мне, что раньше, еще во времена его деда или прадеда, буряты встречали Новый год осенью, в начале месяца *уури*, т. е. в ноябре. В этот день рано утром хозяин дома сооружал из чистого белого снега перед юртой нечто вроде жертвенника. На него ставили тарелку с лучшими яствами и всевозможными лакомствами, здесь же на жертвеннике зажигалась лампадка («зула»). Рядом расстилали чистую белую кошму. Хозяин становился на нее на колени и молился по старому бурятскому обычаю утренней заре и восходящему солнцу²⁰. Далее все происходило так, как это описано у Д. Банзарова.

Цагаан сар справляли и калмыки, но не как Новый год, а как праздник весны в феврале — марте, а Новый год (*Зул*) они встречали в конце ноября или в начале декабря²¹. Здесь мы видим явное совпадение времени празднования Нового года у бурят и калмыков. Впоследствии у калмыков празднование Нового года было перенесено в соответствии с ламанистским обрядом Цзул-хурал, который совершался 24-го числа «первой зимней луны»²².

Итак, до принятия буддизма монголы, калмыки и буряты праздновали Новый год глубокой осенью, в месяце *уури*. И в этом, третьем по счету термине мы опять встречаемся с корневым словом *уур*, с тем же, очевидно, широким значением — «белый», «светлый», «священный», «рассвет», «заря». Кому и для чего понадобилось переносить веками установившееся традиционное осеннее празднование Нового года монголов? Д. Банзаров пишет: «До принятия буддизма монголы Новый год свой начинали, как уже сказано выше, осенью (так делают ныне буряты не буддисты), и белый месяц у них не имел никакого исторического значения. Когда буддизм проник в Среднюю Азию, — что случилось в половине XIII столетия, — то ламы ввели в употребление между номадами свой календарь, перенесли (выделено нами.— Д. Д.) белый месяц к концу зимы и соединили его с воспоминаниями своей веры»²³. Комментарии, как говорится, излишни. Однако заметим, что ламам понадобилось такое перенесение для того, чтобы, приурочив этот единственный праздник монголов к знаменательной для буддизма дате, иметь возможность ежегодно при огромном стечении народа в монастырях проповедовать свою веру, напоминая при этом народу о великой победе, одержанной Гаутама Шакьямуни, и тем самым предотвращать любое веяние инако-

¹⁹ Д. Банзаров. Собр. соч. М., 1955, с. 42.

²⁰ Полевые записи автора, февраль — июль, 1975 (хранятся у автора).

²¹ «Очерки истории Калмыцкой АССР». М., 1967, с. 409, 410.

²² А. Н. Кочетов. Ламаизм. М., 1973, с. 155.

²³ Д. Банзаров. Собр. соч., с. 44.

верия. Поэтому и само название языческого, с точки зрения ламаизма, праздника, напоминавшее о языческом «светлом» божестве, необходимо было искоренить из памяти народной. Вот почему понадобилась ламам эта безобидная на первый взгляд калька: *уури* < *урун* — «светлый, белый» и *сагаан* — «белый». Следует еще заметить, что в старобурятском лунном календаре нет месяца *сагаан хара* — «белый месяц», но есть месяц *уури хара* — «светлый месяц» или, точнее, «месяц Светлейшей богини утренней зари» (в последнем случае *уури* — родительный падеж от *уур* — «рассвет», «заря»).

Теперь несколько слов о термине *уури* — «ровесник». Монголы и буряты не справляли день своего рождения каждый в отдельности, как это делают сейчас, а в первый день Нового года (*сагаалган*'а) все прибавляли один год к своему возрасту. Эта традиция идет еще с тех далеких добуддийских времен, когда в первый день месяца *уури* монголы и буряты праздновали свой Новый год, прибавляя год и себе, и скоту²⁴.

В этот день, например, все 18-летние становились 19-летними, 19-летние — 20-летними и т. д., и эти люди назывались *уури* — «одногодки», «ровесники». Так, слово *уури*, означавшее месяц Светлейшей богини утренней зари и день празднования Нового года, еще в глубокой древности получило второе значение — «ровесник». Таким образом, все рассмотренные здесь термины: *юурэн*, *уур* и *уури* — имеют общее происхождение. Они восходят к древнетюркскому культовому термину *ürun* — «светлый», «белый», а последний, в свою очередь, — к дотюрко-монгольскому, алтайскому корню *ø* : *p/øp/ür*. Что же касается начального *j* в термине *юурэн*, то его, очевидно, надо считать протезой.

²⁴ Г. Ц. Цыбиков. Цагалган. — «Бурятияведение», Верхнеудинск, 1927, № 3—4, с. 71; см. Б. Д. Цыбиков. Цагалган, проведенный по-новому. — «Этнографический сборник БКНИИ СО АН СССР». Улан-Удэ, 1961, № 2, с. 20.